

Ф. Зименкова

Осенний Санта Клаус

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
3-62

Зименкова Ф.
3-62 Осенний Санта Клаус / Ф. Зименкова – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2019. – 138 с.

ISBN 978-5-6040264-7-2

"В книгу вошли рассказы, сказки, эссе, написанные автором в разные годы, опубликованные в периодических изданиях, сборниках, альманахах, и написанные недавно."

ISBN 978-5-6040264-7-2

© Lennex Corp, 2019
© Ф. Зименкова, 2019

Фаина Зименкова

ОСЕННИЙ САНТА КЛАУС

Рассказы, сказки, притчи, эссе...

Издательство «Порт Приписки»
Москва
2018

УДК 84(2 рос-рус)6-5
ББК 821.161.1-1
3 62

Зименкова Ф.Н.

3 62 **Осенний Санта Клаус: рассказы, сказки, притчи, эссе.../**
Изд-во «Порт Приписки». – Москва, 2018, – 138 с.
ISBN 978-5-6040264-7-2

В книгу вошли рассказы, сказки, эссе, написанные автором в разные годы, опубликованные в периодических изданиях, сборниках, альманахах, и написанные недавно.

УДК 84(2 рос-рус)6-5
ББК 821.161.1-1

ISBN 978-5-6040264-7-2

© Зименкова Ф.Н., 2018
© Изд-во «Порт Приписки»

РАССКАЗЫ

ЦВЕТ НЕЗРЕЛОЙ ПШЕНИЦЫ

В тот день шумела зеленью весна. И луч солнца ровно и ласково падал на песчаную дорогу, которая устало, петляла за посёлок, ввела к тому памятному и страшному месту, куда Фёдке даже днём было как-то боязно приходить одному.

— Мама, мамочка! Ну почему тебя нет со мной? — Фёдка не заметил, как произнёс вслух эти слова и невольно оглянулся вокруг: не хотелось, чтобы кто-нибудь, вдруг, услышал их, чего доброго посчитают за маленького! Ведь сегодня ему двенадцать стукнуло. Ему нестерпимо, до боли в груди захотелось, чтобы его мама была рядом с ним в этот день. Прижаться бы сейчас к её тёплой, мягкой щеке и молча посидеть рядом — никакого подарка на свете Фёдке не надо было бы.

Многое хотелось бы знать сегодня Фёдке. Вопросы так и встают частоколом, как тот штакетник забора, которым обнесено кладбище. Вот уж семь лет лежит здесь его мама. И никак не мог Фёдка понять, почему так случается, что именно в день своего рожденья он, вдруг, особенно сильно начинает тосковать по матери. До горячих слёз в глазах встаёт снова день её похорон, и, что отчетливо почему-то запомнилось ему, навсегда запало в душу — это две маленькие, едва приметные морщинки на её спокойном лбу. Нет, Фёдка так и не знает

ещё главной тайны, неведомо ему, отчего так внезапно умерла мама, оставила его в то время, когда он был совсем ещё маленьким. И почему так бывает на свете? И зачем умирают люди? Рождаются, а потом умирают? Зачем?

Он с грустью окинул взглядом огороженные оградами холмики могил и тяжело вздохнул. Затем взгляд его перекинулся за овраг, где до самого горизонта разбежалось молодое пшеничное поле. Оно было удивительно зелёным, словно его только что густо покрасили краской. Но мелькнуло мгновенье — налетел сухокрылый, солнечный ветер — поле чутко отозвалось, всколыхнулось, и цвет его тут же, на глазах, изменился, стал блекло-зелёным, как переспелые огурцы на огороде. Чудно-то как получается! Интересно всё это было наблюдать Федыке, так бы и стоял он у поля незрелой пшеницы. Однако, пора. Ребята, наверное, уже ждут его, договорились в футбол поиграть.

...Прямо посреди улицы ребята уже гоняли большой футбольный мяч. Толик Быстров, одноклассник Федыки, стоял на воротах, отмеченных двумя кирпичными обломками.

— Федыка, давай скорей к нам! — махнул он рукой, увидев, издали Фёдора. Первый гол забил Сашка Синьков, давний противник Толика и Федыки. Толик, пропустив мяч в ворота, досадно плюнул себе под ноги. Но Федыка не расстраивался. Наоборот, он, вдруг, неожиданно почувствовал какую-то уверенность в себе и быстро подключился к игре. Ведь сегодня его день. Он должен выиграть, он выиграет. Он обязательно забьёт гол, а может и не один.

Игра становилась всё азартнее. И в тот момент, когда Федыка уже повёл мяч к воротам противника, он внезапно услышал до боли в сердце знакомый, хрипловатый голос своего деда. И сразу показалось, что с ног до головы Федыку окатили ледяной водой.

— Бедна сакля твоя-я-я — на всю улицу хрипел пьяный голос. Потом в воротах двора появился сам дед. Он шёл, петляя по улице, натываясь на заборы и стены домов. Борода его была

всколочена, шапка съехала набекрень, вся одежда его была помята, в грязных пятнах.

Ребята притихли, сразу как-то забыв об игре.

— Дедуля твой, — хмыкнул Сашка Синьков — опять наклюкался, про саклю свою поёт. Федыке было стыдно и горько за деда, за его неприглядный вид и одновременно, к самому горлу подкатила, глубоко сидевшая в душе, жалость к нему, перемешанная с проснувшейся неприязнью к Сашке. Он неожиданно для себя огрызнулся на Сашку.

— А тебе-то что! Чего зубы скалишь! — двинулся он на него.

Сашка, опешив, отшатнулся от Федыки и замолчал. Федыка подошёл к деду:

— Пойдём домой, дед.

— Залато-о-о-ю казн-ой-й-й, я осыплю те-бя-я, — дед тянул свою любимую песню, не замечая внука.

— Дедушка, не надо так, тише. Пойдём домой, — ему не терпелось, как можно скорей укрыть деда от посторонних любопытных глаз. Дед на минуту остановился, посмотрел на внука туманным, невидящим взглядом, словно силился вспомнить что-то очень важное, да так и не вспомнив, отрешённо махнул рукой:

— Никак, эт-ты, пострел?

— Я, дедушка, я. Пойдём скорей домой — усиленно тащил его за рукав Федыка. Он чувствовал, как нестерпимо начинают гореть подошвы его ног, будто шёл он по раскалённым углям, и какие-то двадцать метров до дома показались ему вечностью.

В дверях выросла бабка. Федыка только теперь почему-то заметил, какая же она стала маленькая, какое у неё усталое лицо, в густых сетках глубоких морщин.

— Ах ты, старый чёрт, опять надрался? Сколько же ты меня мучить будешь, изверг ты проклятый! — запричитала она, увидев деда.

— Уйди, мать, не шуми. Уйди с порога, — дед слегка подтолкнул бабку и вошёл в комнату.

Но бабка не успокаивалась:

— Совсем совесть потерял, старый дурень, ведь уж море ты

этой зелени выпил! Когда ж ты насытишься, когда уймёшься? Сегодня-то уж мог бы поговорить, проклятый! Забыл, какой нынче день-то?!

— Отстань, старая! Надо мне было сегодня выпить, поняла! Мишку сегодня встретил, дружка моего Андрюхи. Посидели с ним, Андрюху вспоминали. Помнит его, сукин сын. А как же ему не помнить, ведь кабы тогда не Андрюха, лежать бы не ему, а Мишке в сырой земле. А ведь вон, как всё обернулось. Видно судьба такая — дед вытер кулаком наворачнувшиеся слёзы.

— Ну, полно, полно, старый. Сколько ж можно душу травить! Зельем-то горю не поможешь. Сын-то наш героем погиб, товарища спас, ты гордиться им должен, а не зелье пить.

— А что мне герой! Мне живой сын нужен, а не мёртвый герой. А Марию мою за что, сердешную, так рано бог забрал? За что, скажи, мать? Прожила короткий век с этим поганцем, только маялась. Ведь так истаяла как свечка из-за него, из-за этого нечестивого паршивца. А ты, старая, все блинами да оладьями его подкармливала, сукина сына. А ему, если хошь знать, жареные гвозди жрать надо было, а не блины. Летун он, и есть летун. От родного дитя уехал. Разве ж это человек? И зачем бог таким жизнь дает! — дед положил на стол свои большие, ещё не совсем потерявшие силу кулаки, и опустил на них голову.

— Пойди, дед, приляг — она знала, что сейчас лучше не перечь ему ни в чём, не трогать его. Напившись, он становился буйным, и унять его было нелегко.

— Нет, ты скажи мне, старая! — вдруг с силой стукнув по столу кулаком, закричал дед, — Почему на одних всё горе валится, а другие живут себе припеваючи всю жизнь? Скажи! Молчишь?! Нечего сказать?!

— Да уймись ты!

— Нет, я тебя спрашиваю, или нет? — всё больше распалялся дед.

— Отвяжись, старый черт! Напился, так спать бы лёг, нет же, орёт тут!

Но, не успев договорить, увидела, как дед, сжав кулаки, по-медвежьки качнувшись, шагнул к ней.

— Кара-у-у-л! Люди добрые! — заголосила бабка через распахнутую настежь дверь.

Федька знал: это было началом очередного скандала, и, если дед сейчас не уснёт, то начнёт бить посуду, будет буянить до тех пор, пока не придут соседи и не урезонят его. В такие минуты Федьке становилось страшно, и он боялся деда. Он надолго уходил из дому, одиноко бродил за околицей дотемна. А если такое случалось ночью, то ночевал у кого-нибудь из соседей. В такие грустные минуты и поселилась в его душе мечта — выучиться на врача.

— Скорей бы вырасти, — с отчаянием думал Федька, — тогда я обязательно что-то придумаю, чтобы никто не хотел пить водку. И, перво-наперво, вылечу своего деда. Ведь он такой добрый, хороший, когда бывает трезвым.

Дед знает о его, Федькиной мечте, и часто, по-доброму, пошеивается над ним:

— Ну, как, доктор, не придумал ещё пилюли-то? Эх, ты! — Потом, вдруг, умолкнет, задумчиво вздохнёт, и тихо, словно для себя, скажет:

— Ты придумай лекарство от горя людского, доктор, тогда и зелье это проклятое пить никто не будет, — и погладит потихоньку по ершистой Федькиной голове.

...Дед давно вышел на пенсию, но сидеть дома без дела не хотел: вечерами работал сторожем поселкового магазина, днём, когда бывал трезвым, по-прежнему столярничал. В посёлке все знали: золотые руки у Федькиного деда, если б не водка. Федька гордился умелыми руками деда и часто, с удовольствием помогал ему в работе. На всю жизнь, наверное, запомнятся Федьке те счастливые минуты, когда в выходные дни случалось ему столярничать вместе с дедом. Нравилось Федьке работать рубанком, видеть, как во все стороны взлетают маленькими, пушистыми птенцами пахучие и кудрявые стружки, а под острым и послушным рубанком древесина делается гладкой, блестящей и тёплой, словно на летнем солнце нагрелась. И дед весело покашливает рядом, довольно улыбается в бороду: смена растёт, хваткие, умелые руки у Федьки. Нет, не

пропадёт Федыка в жизни, в деда пошёл, работающий. И Федыке радостно рядом с таким дедом-умельцем.

Но, проходило время, и Федыкину жизнь горько отравляли дни, когда дед приходил домой пьяным. Вот и сегодня... а ведь у Федыки сегодня день рождения. И так хорошо всё складывалось сначала: в школе две пятёрки получил, с ребятами ни разу не поссорился, гол чуть было не забил в соседние ворота...

Так, со своими светлыми и грустными мыслями Федыка не заметил, как снова подошёл к знакомому пшеничному полю. Уже близился вечер. Ветра не было, и заходившее солнце огромным веером алых лучей распахнулось в полнеба. И Федыке вдруг почудилось, что этот цветастый закат солнечно пахнет парным молоком и свежеиспечённым пшеничным хлебом.

И подумалось Федыке: какая же неведомая сила таится в хлебе, который каждый человек на земле берёт ежедневно со стола? Дед ведь недаром каждый раз говорит Федыке о том, что великий грех играть хлебом, бросать его везде, что человек, не научившийся с детства ценить и уважать хлеб, сам не достоин уважения. Федыкин дед никогда не проходил мимо, если валялся на земле кусочек хлеба. Поднимал его и клал на забор, скамеечку, если была рядом или крошил птичкам.

...Из-за оврага серой волчьей стаей крался туман, а вдали за посёлком, в последних вечерних лучах брела к речному разливу напиток отара овец. Федыка шагнул с дорожки, но тут же одёрнул ногу: в пятку впиалась сухая колючка. Прихрамывая, он присел на бугорок и, заложив ногу на ногу, вытащил колючку. Потом послунявил средний палец и потёр им по ранке. И снова он подумал о матери, о себе, о своих друзьях.

— Если б ты была со мной, мама, — тяжело вздохнул Федыка, — разве бы я пришёл сюда к этому полю незрелой пшеницы?

Никто бы на свете не любил так Федыку, как родная мама. Никто бы не смог так понять его. Федыка смутно чувствовал, что, быть может, самое главное в жизни, — человеку надо, чтобы его кто-то любил, заботился о нём, прощал его шалости. Тогда и жизнь была бы у каждого человека светло-зеленой или голубой, как первая мечта на ранней утренней заре, как это